

ПОСЛЕ ТРАГИЧЕСКИХ событий на Сенатской площади смерть Пушкина, следовавшая за ними, так потрясла Россию, что до сих пор не умолкает выстрел Дантеса. Простая русская женщина, жена гения, за честь которой он дрался на дуэли, после этого величайшего по своему трагизму события волею судеб стала личностью исторической, хотя до сих пор, как это ни парадоксально, подавляющее большинство людей личности-то как раз в ней и не видели.

«Было в ней одно: красавица. Только — красавица, просто — красавица, без коррективы ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И — сразила... Тяга Пушкина к Гончаровой... тяга гения — переполненности — к пустому месту, чтоб было куда... он хотел нуль, ибо сам был все».

Эти слова принадлежат Марине Цветаевой, которая так самозабвенно любила Пушкина, что не могла его отдать ни одной женщине на свете, даже его законной жене. Но не только Марина Цветаева была к ней несправедлива.

После дуэли и смерти Пушкина нашлось немало людей, искренне считавших жену поэта виновной в его гибели — легко давалась в руки, сама шла навстречу четкая, законченная концепция — гений, ставший жертвой бездушного легкомыслия, преступного кокетства светской красавицы. Помню, я меня этому учили в школе.

Анна Ахматова не менее Цветаевой боготворила Пушкина и не менее Цветаевой ненавидела его жену: «Мы имеем право смотреть на Наталью Николаевну как на сообщницу Геккернов в преддзвонковой истории. Без ее активной помощи Геккерны были бы бессильны».

Среди гениальных творений Пушкина есть величайшее творение человеческого духа. Во всей всемирной литературе я не знаю книги о любви, которая была бы столь достоверной, искренней, лишенной всяческих прикрас, земной, по-бытовому прозаичной и вместе с тем достигающей божественных высот. Это книга его писем к жене. Книга их любви.

Письма Пушкина очень деловые, иногда грубоватые. Сам стиль этих писем неопровержимо говорит о том, что Пушкин и Наталья Николаевна жили одной общей жизнью, что у них были одни и те же заботы и интересы.

Вот что писал об этих письмах А. И. Куприн: «Я хотел бы тронуть в личности Пушкина ту сторону, которую, кажется, у нас еще никогда не трогали. В его переписке так мучительно трогательно и так чудесно раскрыта его семейная жизнь, его любовь к жене, что почти нельзя читать это без умиления. Сколько пленительной ласки в его словах и прозвищах, с какими он обращается к жене! Сколько заботы о том, чтобы она не остудилась беременная — была здорова, счастлива! Мне хотелось бы когда-нибудь написать об этом... Ведь надо только представить себе, какая бездна красоты была в его чувстве, которым он мог согреть любимую женщину, как он, при своем мастерстве слова, мог быть нежен, ласков, обаятелен в шутке, трогателен в признаниях!»

Мы с детства знаем все творчество Пушкина, многое знаем наизусть. А письма до сих пор не прочитаны — ведь прочитать неверно — это значит вообще не прочитать.

И Марина Цветаева, и Анна Ахматова, и, наконец, П. Е. Щеголев — автор монографии «Дуэль и смерть Пушкина», вышедшей в 1916 году, самого обстоятельного, можно сказать, исследовательского труда, по совершенно непонятным причинам явно игнорируют все то, что писал Пушкин жене, совершенно не считаются с его отношением к ней. Кому же верить, как не самому Пушкину: «Она меня любит», — писал Пушкин Плетневу еще в одном из своих бодрящих писем. После женитьбы он признается: «Женка моя прелесть не по одной наружности». А года два с половиной спустя написал слова, которые являются как бы эпиграфом к этой удивительной, живой, документальной книге их любви: «Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — душу твою люблю я еще более твоего лица». Эти слова — ключ к пониманию отношения Пушкина к его жене. Но обвинители Наталья Николаевна их игнорируют, не хотят с ними считаться. Это принижает великий пушкинский ум, оскорбляет его чувство отнюдь не мимолетное, а пожизненное, ведь с этим чувством и со словами, что она, его жена, ни в чем не виновата, он умер.

«Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано», — писал Пушкин Н. И. Крыжовцу за неделю до свадьбы. — Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастлива мне не было. Счастливым можно найти лишь на проторенных дорогах. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди, и вероятно, не буду в том раскаиваться».

24 февраля 1831 года Пушкин писал Плетневу: «Я женат — и счастлив, одно жалю мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дожусь. Это состояние для меня так ново, что кажется, я переродился...»

Как много он чувствовал, но еще больше — предчувствовал! И никогда не ошибался в оценках людей и событий. Он обладал тем пророчеством поэта, который «и не зная — знает». Да, у него были увлечения. Но Наталья Николаевна была избранницей его судьбы. Он женился и влюбленно и вместе с тем глубоко продуманно, женился так, как и писал стихи. Женился, вполне отдавая себе отчет, почему он женился и на ком он женился. Женился, имея за плечами огромную прожитую жизнь, и ни разу потом не раскаивался в своей женитьбе.

О нет, это была отнюдь не тяга гения «к пустому месту», это была великая пушкинская тяга к гармонии, гением которой был он, Пушкин.

Я НЕ ЗНАЮ НИ одного поэта за всю историю человечества, который бы обладал с такой силой этим чувством гармонии. Гармония определяла все творчество Пушкина, весь его характер. Он не был певцом одной, но пламенной страсти, он был певцом всех страстей. Трагизм краткости человеческой жизни удивительно сочетался в нем со здоровой радостью бытия.

Думаю, не случайно именно Наташа Гончарова затмила всех великосветских красавиц. Суть здесь не только, а может быть, не столько в правильности черт и в тонкости стана. Пресыщенное придворное общество увидело в ней неподдельную молодость со здоровым провинциальным румянцем на щеках, застенчивость, скромность, то, что в этом обществе так редко встречается, и потому так ярко бросается в глаза.

До того, как Пушкин встретил Наталью Гончарову, муза Пушкина нашла свою из-

Недавно в издательстве «Советская Россия» вышла книга И. Ободовской и М. Дементьева «После смерти Пушкина», предпосланная мудрой и точной в своих оценках статьей известного пушкиноведа Д. Д. Благого. Эта книга вызвала у меня живейшую необходимость взяться за перо. Для того, чтобы вместе с авторами поразмышлять над судьбой Натальи Николаевны Пушкиной.

Найденные авторами ценнейшие документы смело сражаются за честь жены Пушкина, а значит, и за его честь. А спорить, и спорить категорически, именно на основании этих документов, есть с кем. Это и литературоведческие очерки о Пушкине, где произвольно, ошибочно, шельмуются трактуется образ Натальи Николаевны. Некоторых авторов этих очерков и статей, к сожалению, нет среди нас, но оценки их живы, они укоренились в сознании многих людей. Это и стихи порой хороших наших поэтов, которые клеймят Наталью Николаевну как виновницу гибели Пушкина. Это и пьесы известных драматургов, которые по сей день видят в наших театрах сотни тысяч людей.

Мне хочется в какой-то мере проследить, как и почему возникли такие суждения, вернуться к предистории волнующего всех нас вопроса. Не для того, чтобы винить авторов этих работ в превратностях их суждений, а для того, чтобы в умах и сердцах многочисленных читателей восторжествовала истина.

ЖЕНА ПОЭТА

браницу — Татьяну Ларину. Она была для поэта идеалом. Идеалом замужней женщины. Она была гениальным его предчувствием Наталья Гончаровой. Слишком много общего у этих двух женщин. Говорят, близкие люди с годами становятся похожими друг на друга. Наталья Гончарова, став женой Пушкина, с годами все более и более походила на Татьяну Ларину. Не только скромностью, даже застенчивостью, лишенной всякого жеманства, но и характером, вкусами, стремлениями, жизненными принципами.

В решительную минуту в ответ на страстные домогания блестящего кавалергарда, который ей совсем еще юной нравился, она поступила так же, как Татьяна, — она другому отдала и будет век ему верна. Дантес нравился Наталье Гончаровой. Сперва она не могла разобраться в своих чувствах, не могла сразу осознать, что за тот срок, который она прожила с мужем, стала Натальей Пушкиной не только потому, что взяла фамилию мужа, а потому, что приняла его нравственное вероисповедание, находясь под гипнотическим каждодневным влиянием его гения.

Простодушный ребенок, совсем не знающий жизни — юная невеста Пушкина, и одинокая, сосланная жестоком горем на Полотняные заводы, до глубины души потрясенная всем случившимся вдова — мать четырех детей. Какой огромный путь прошла эта женщина за несколько лет.

Подумать только, эта женщина изо дня в день слышала пушкинский голос, веселый и грустный. После его смерти она попросила прислать ей на Полотняные заводы все его книги и жаловалась, что ей очень трудно их читать — она все время слышала его голос, слышала, как он читал свои стихи, и плакала.

«...В ней ничего не было человеческого, ни ума, ни сердца. Все на грани любовного чувства, на низшей стадии развития».

«...При скудности духовной природы главное содержание внутренней жизни Натальи Николаевны давал светско-любовный романтизм...»

«...Наталья Николаевна была так красива, что могла позволить себе роскошь не иметь никаких других достоинств». (Щеголев).

«...Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я же все беспокоюсь, на кого покинул я тебя!.. Ах, женка душа! Что с тобой будет?..»

«Какая ты умненькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! как оно дельно! благодарствуй, женка... Здесь о тебе все отзываются очень благосклонно» (Пушкин — жене).

«...Не приведено ни одной ее фразы, не упомянуто ни об одном ее действии, не поступке. Точно она — лицо без речей в драме и вся ее речь сводится только к блистанию и затмеванию всех своей красотой...» (Щеголев).

«...Тебя, мой ангел, люблю так, что вырвать не могу; с тех пор как Петербург только и думаю как бы ударить в тебя, женка моя... Стихов твоих не читаю — черт ли в них; и свои надоел. Пиши мне лучше о себе — о своем здоровье. На хоры не сходи — это место не для тебя...» (Пушкин — жене).

Значит, Наталья Николаевна писала стихи. Не случайно об ее стихах не знал никто из современников. Видимо, они были по-юному несовершенны, и она понимала, что ей, жене Пушкина, их нельзя никому показывать. Главное не то, какие стихи она писала, а то, что раз она писала стихи, значит, сердце ее тянулось к поэзии.

К этому следует добавить, что Наталья Николаевна, по свидетельству современников, стала лучшей шахматисткой Петербурга.

«Она (Н. Н. Пушкина. — От ред.) медленно, ежесекундно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина. Никогда не изменявшая, по ее мнению, чести, Наталья Николаевна была виновата в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала

той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж» (княгиня Е. Н. Мещерская).

«Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать... чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободной». (Н. Н. Пушкина — брату Д. Н. Гончарову).

«Гончарова (сестра Натальи Николаевны. — От ред.):
— Что с тобой?»

Пушкина: Почему никто и никогда не спросит меня, счастлива ли я? С меня умеют только требовать, но кто-нибудь пожалел меня когда? Что еще от меня надо? Я родила ему детей и всю жизнь слышу стихи, только стихи. Ну и читайте стихи! Счастлив Жуковский, и Никита счастлив, и ты счастлива... И оставьте меня».

Гончарова: Увы, я знаю твою мысль. И мне больно за семью». (М. Булгаков, пьеса «Последние дни»).

«Мой ангел, одно слово: съезди к Плетневу и попроси его, чтоб он к моему приезду велел переписать из Собрания законов (год 1774 и 1775 и 1773) все указы, относящиеся к Пугачеву. Не забудь».

«Милый мой ангел!.. У меня решительно сплин... Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом успею еще поговорить» (Пушкин — жене).

«Тесная дружба редко возникает в большом городе, где каждый вращается в своем кругу общества, а главное, имеет слишком много развлечений и глупых светских обязанностей, чтобы хватило времени на требовательность дружбы» (Н. Н. Пушкина — брату Д. Н. Гончарову).

Такова была Наталья Николаевна — чуткий, умный, дорогой Пушкину друг. И дуэль разгорелась не из-за неверности ее. А как раз именно из-за ее верности мужу, вызвавшей у Геккернов, отца и сына, ярость и желание мстить. О чем они так и заявили — мы будем мстить. И отомстили своим гнусным пасквилом.

После смерти Пушкина они продолжали порочить Наталью Николаевну, распуская слухи о ней как о соблазнительнице, легкомысленное кокетство которой довело до страшной беды бедного Дантеса, обольщенного ею, и ее мужа.

Стремясь свалить вину на Наталью Николаевну, они старались реабилитировать себя, отвести от себя кару. В высшем обществе у них нашлось немало сторонников «надменных потомков известной подлостью прославленных отцов», которые стремились превратить конфликт в чисто семейный, а не социальный, политический. И им, конечно, весьма было выгодно сделать Наталью Николаевну виновницей дуэли.

Легковерные люди повторяли за ними эту сплетню, упрекали Наталью Николаевну в том, что она якобы не любила Пушкина или любила недостаточно и не была с ним счастлива.

«...К несчастью я такого мнения, что красота необходима женщине. Какими бы она ни была наделена достоинствами, мужчине их не заметит, если внешности им не соответствует. Это подтверждает мою мысль о том, что чувственность играет большую роль в любви мужчин. Но почему женщина никогда не обратит внимания на внешность мужчины? Потому что ее чувства более чисты» (Н. Н. Пушкина).

СУДЯ ПО ВСЕМ письмам Натальи Николаевны, по образу ее жизни и в молодости, и в зрелые годы, основной чертой ее характера, предначертанием ее судьбы, свойством ее природы было чувство материнства, выраженное, пожалуй, ярче, чем все другие чувства, присущие ее натуре. Она была матерью прежде всего. Ради детей она жила на свете. В них она видела свое счастье.

Пушкин, который был замечательным отцом, не мог не ценить в ней дар материнства.

Любовь к детям роднила ее и с Ланским, который нежно любил и своих детей, и детей Пушкина, друживших между собой всю жизнь. Письма ее полны трогательной заботы о детях.

Помимо своих семерки детей, у Натальи Николаевны жили племянник мужа Павел Ланской и сын сестры Пушкина Лев Павлицев, который пользовался особой любовью Натальи Николаевны. И эта ее любовь весьма знаменательна.

Она пишет о нем с восхищением: «Горячая голова, добрейшее сердце, вылитый Пушкин».

Вот еще один ответ на вопрос, понимала ли Наталья Николаевна Пушкина, любила ли его. Да и как она могла не любить его и не понимать. Она была очень восприимчива к прекрасному. А что может быть прекраснее пушкинской гениальности.

На одной из встреч в Ленинграде я читал стихи, посвященные Наталье Николаевне. И в ответ на них получил записку. В ней незнакомая мне женщина с любовью писала о Наталье Николаевне. При этом она сообщала, что в школе, где она училась, до сих пор из поколения в поколение передается нигде не публиковавшееся письмо Натальи Николаевны.

Мне довелось найти это письмо Н. Н. Ланской директору 2-й СП гимназии г-ну Постельсу 1 ноября 1845 года:

«Направляю Вам моего сына, которого поручаю Вашему строгому попечению, господин Постельс. Уступая Вам часть своих прав, я рассчитываю на Ваше внимание, так как надеюсь, что он всегда будет его достоин. Ваши советы, я надеюсь, укрепят его в тех принципах, которые я стремлюсь внушить ему с его юных лет, если храни Бог, он вызовет у Вас неудовольствие, прошу оказать любезность предупредить меня об этом и он никогда не встретит во мне ни слабости матери, ни снисхождения, ибо моей обязанностью является помочь Вам в этом трудном деле, которое Вы так усердно и по совести выполняете. Мой сын передает Вам пакет с вложением официального письма и медицинское свидетельство».

Метрическое свидетельство, как я уже имела удовольствие сказать Вам, находится в делах господина Пушкина — что же касается денег, то в ближайшую субботу Александр принесет 270 рублей.

Благоволите, господин Постельс, принять мои чувства признательности.

Наталья Ланская».

Так в стенах ленинградской школы я неожиданно встретился с Натальей Николаевной.

В этот же день я пришел на кладбище, чтобы постоять у ее могилы. Был тихий зимний крахмальный день, морозный и солнечный. Шел еле заметный снежок. А на мраморном надгробии лежали цветы, кем-то принесенные Наталье Николаевне Пушкиной.

И я подумал, сколько было за полтора века злобой клеветы, порочающей ее имя. Но чуткое народное сердце нельзя обмануть.